

“ДОГАДАТЬСЯ О БУДУЩЕМ СТРАНЫ”

Беседа Александра КАЗИНЦЕВА
с губернатором Брянской области Юрием ЛОДКИНЫМ

Александр Казинцев: Юрий Евгеньевич! Посмотреть, что происходит в мире — будто весеннее половодье прокатывается по столицам. Всеобщая забастовка в Италии — 12 млн. человек прекратили работу, чтобы заставить правый кабинет Берлускони отказаться от пересмотра Трудового кодекса. По всей Европе многотысячные демонстрации протеста против геноцида палестинцев, осуществляемого Израилем. В Венесуэле народ отстоял своего президента, вышвырнув из правительственного дворца проамериканских заговорщиков. В Венгрии — вслед за Польшей и Болгарией — победу одерживают вчерашние коммунисты. И только Россия мрачным островом высится посреди этого ликования обновляющейся жизни. Ничто не вызывает отклика! Израильские танки обстреливают христианские святыни — молчание. Трудовой кодекс принят в мертвой тишине. Коммунистов лишили комитетов в Думе, по телевидению неделю сладострастно муссировали идею запрета компартии — хоть бы один человек с красным флагом вышел к зданию на Охотном ряду. Что это — полная атрофия чувств русского народа? Не только политических, но и таких, как справедливость, сочувствие, здравый смысл, наконец.

Юрий Лодкин: Атрофия чувств? Любопытное явление... Когда за участие в событиях октября 93-го меня посадили на Петровку, 38 — в камеру с уголовниками, — я тоже надеялся на народную поддержку. Незадолго до того Ельцин снял меня — законно избранного губернатора Брянской области — с поста, а теперь еще и арест. Лежу я на нарах и представляю: в моем родном Брянске народ стоит перед администрацией: протестует. Весь Брянск, думаю, колотится...

Просидел я, к счастью, всего три дня, прилетаю сюда, а здесь — тишь, гладь, да Божья благодать. Вот вам и сочувствие... “И нам сочувствие дается...”

И все-таки я полагаю, о полной атрофии чувств русского народа говорить преждевременно. А вот атрофия веры в самом деле пугает. Веры в справедливость, в силу народную, в способность как-то влиять на происходящее в стране.

Вспомните выборы 1996 года, когда при всеобъемлющем, подавляющем перевесе Зюганова победили Ельцин. Это не стало сенсацией, но люди в очередной раз задумались: а что мы можем? Почти по Достоевскому: “Тварь я дрожащая или право имею?” Оказалось, что прав не так уж много. Вернее, их много, но итог их реализации оставляет желать лучшего. Потому сегодня наши люди в большинстве своем так пассивны. Потому — низкая явка на выборах во все уровни власти, апатия в общественной жизни. Средний обыватель включает телевизор, видит трагедию в Каспийске или ракетный обстрел палестинских жилых кварталов, и что он думает? “Как хорошо, что это не случилось со мной”. И он не выйдет на улицу с плакатом, потому что срабатывает принцип “Как бы чего не случилось”.

В странах Запада вера в истинную демократию сильнее, чем у нас, — в том числе в бывших социалистических странах. Посмотрите на то, как активна

тамошняя молодежь — в первых рядах демонстраций, с красными флагами, транспарантами в руках. Молодые люди понимают, что им жить в этой стране. Нынешние первомайские демонстрации в Германии, например, организованные левыми силами, по числу и мощи могут потягаться с теми, что проходили в Москве при Советской власти.

А у нас в "послеельцинский" период, когда исчезли долги по пенсиям, более-менее разобрались с зарплатой бюджетникам, залатали еще кое-какие дыры, обыватели думают: "И слава Богу! Лишь бы не стало хуже!" Так что какие могут быть акции протеста...

Немного хочу сказать о недавнем визите Буша. Да, мы — гостеприимный народ. Но на этот раз гостеприимства мы не увидели — там было лакейство. Буш жует жвачку на встрече в Кремле, Буш завтракает в Эрмитаже... Такое впечатление, что приехал барин, хозяин — проверить, как идут дела в вотчине.

Перефразируя поэта, у российских должна быть собственная гордость. И здесь, наверное, нужно говорить — в параллель к атрофии веры — об атрофии гордости. Мы забыли, каким уважаемым, грозным государством были всего пару десятилетий назад. Мы забыли, как ловили каждое наше слово, как считались с нашими действиями в мировой политике. Сегодня ничего этого нет.

А. К.: Помните, какое сокрушительное впечатление произвело в середине 80-х сообщение (как выяснилось позднее, ложное), что член Политбюро, первый секретарь Ленинградского обкома Романов устроил свадьбу дочери в Эрмитаже? Этот умело вброшенный "негатив" имел серьезнейшие политические последствия. И не только лично для Романова. Воображаемая картина "зажравшихся" партийных верхов, пирующих в царском дворце, возбуждала массы, конкретизировала в их сознании туманный пафос перестройки.

Совсем недавно г-н Пиотровский, директор Эрмитажа, признал: никакой свадьбы в музее не было. Но в 80-е годы он хранил многозначительное молчание... И вот тот же Пиотровский предоставляет один из залов Эрмитажа для ланча Буша. И все молчат, никто не возмущается!

С другой стороны, неожиданный всплеск народного протеста в Воронеже, где десятки тысяч демонстрантов чуть не сместили областное руководство, ретиво проводившее реформу ЖКХ, спущенную из Москвы, показывает — протестный потенциал огромен. Только собери людей, выведи на площадь. Однако политики, в том числе лидеры левой оппозиции, что-то не спешат на улицы, в народ.

Ю. Л.: В ситуации с Воронежем людей, что называется, довели до ручки. Если у человека вся зарплата уходит на оплату ЖКХ, поневоле пойдешь на площадь. Ведь реформу ЖКХ, пусть и спущенную сверху, надо проводить разумно. А в Воронеже решили взять ее штурмом, нахрапом. Вице-премьер Валентина Матвиенко правильно сказала, что произошло здесь в Воронеже связано в первую очередь с тем, что местные власти провели повышение платы за услуги жилищно-коммунального хозяйства непродуманно, не отработали систему выдачи населению жилищных субсидий. Так что протестный потенциал распространяется сегодня пока лишь на конкретные, очень частные случаи. Одно дело — когда областная администрация вытаскивает из твоего кармана последние копейки, и совсем другое — передел портфелей в Госдуме...

Что касается выхода лидеров левой оппозиции в народ, то он не должен быть стихийным или, наоборот, плановым. У нас есть пример Ампилова, который вроде бы все время "в народе", но посмотрите, сколько людей он собирал на митинг три года назад и сколько — сегодня. Недавно он был в Брянске, и приезд прошёл практически незамеченным. Когда площадное ораторство становится рутинной работой, к нему быстро теряется интерес.

А. К.: И все-таки не кажется ли Вам, что коммунисты увлеклись кабинетной работой? А тут кремлевские политтехнологи дадут им сто очков форы. Как только проблему уведат с улицы в кабинет, все рычаги влияния оказываются у власти. Это показывает как передел думских портфелей в Москве, так и финал выборной кампании в Киеве, по существу перечеркнувшей волеизъявление народа. Напомню, на выборах в Верховную Раду победу одержали две силы — блок Ющенко, представляющий правых, и украинские коммунисты, набравшие примерно одинаковое количество голосов. Но уже через неделю партия власти, потерпевшая сокрушительное поражение, готова была формировать большинство — за счет депутатов, прошедших по округам. Обозреватели прямо связывали такое неожиданное пополнение числа "едоков" (блок власти красноречиво именуется "ЗА ЕДУ") с откровенной покупкой голосов.

Ю. Л.: Вы сами ответили на вопрос: откровенная покупка голосов — это удел "так называемых демократов". Компартия до этого вряд ли опустится — ей не нужны подобные "сторонники"...

А вот чрезмерное увлечение кабинетной работой действительно наличествует. Иногда кажется, что некоторые коммунистические деятели живут в другой стране, где все хорошо и стабильно, по-прежнему работают обкомы и райкомы, а они сами ходят на работу и перекладывают там с места на место важные бумаги.

Но меня волнует даже не это, а отсутствие работы с новыми кадрами, с молодежью. Вы не задумывались, почему в Западной Европе сегодня так много молодежных организаций левого толка, а у нас — только лимоновские национал-большевики и комсомольцы, которые, к сожалению, реальной политической силы не представляют? Можно все списать на растление детских душ, извращенную мораль, бездуховность, безыдейность, внушаемые им с телеэкранов, со страниц газет и журналов, через Интернет. Но где барьер для этой бездуховности и безыдейности? Что предпринимается? Вот и живет молодой парень или девушка либо одним днем, либо в погоне за "счастливым" по нынешним меркам будущим — большим количеством денег, заработанных любым путем... А ведь у нас есть молодые силы, которым совсем не безразлична судьба России, но они слишком разобщены.

А. К.: Юрий Евгеньевич! С обострением московского противостояния власть — оппозиция неизбежно усилится давление на "красных" губернаторов — причем с двух сторон: из Кремля и со стороны товарищей по партии. Существует ли какая-то модель поведения, выработанная на этот случай левыми силами?

Ю. Л.: Сегодня нередко получается, что патриот, работающий в органах исполнительной власти (а таких в России очень много), оказывается чуть ли не на антипартийных позициях. А какой-либо модели, компаса для такого рода руководителей, в том числе и для меня, попросту не существует. Их не дает ни одна из партий и общественных организаций, в том числе КПРФ.

Сергей Есенин вспоминал, как "дядя" учили его плавать: вывозили на середину озера на лодке, бросали в воду и кричали: "Плыви, стерва!". Слово это было у них ласкательным. В такой же ситуации находятся сегодня патриоты — руководители субъектов Федерации: на них со всех сторон орут: "Плыви, стерва!". Только в данном случае это слово далеко не ласкательное...

А. К.: Совет Федерации в Москве еще раньше, чем Госдума, потерял роль всероссийского форума, которая была у него в то время, когда там работали главы регионов. Вы достойно представляли Брянск перед российскими сенаторами. Запомнились Ваши смелые и яркие выступления. Как Вы оцениваете ситуацию в Совете Федерации сегодня?

Ю. Л.: Несомненно, уход глав регионов во многом отрицательно повлиял на работу и значимость Совета Федерации. К.п.д. его заметно снизился — в первую очередь за счет потери харизматической фигуры Строева и того, что туда попали порой совершенно случайные, малопонятные персонажи. Но в то же время я могу назвать многих достойных людей, которые представляют там интересы своих регионов так же, как некогда губернаторы или руководители законодательных собраний.

А. К.: Весной В. Путин призвал правительство разработать "более амбициозные" планы развития страны. Обеспечены ли эти призывы экономически?

Ю. Л.: Эти призывы могут быть реализованы в том случае, если на трубу "сядет" государство. Если будет возвращена госмонополия на экспорт нефти, газа, продуктов переработки химии, лома черных и цветных металлов. Вот тогда амбициозные планы будут обеспечены.

Впрочем, спросите об этом Касьянова... Трудно сказать сейчас, что за "более амбициозные" планы разрабатывает правительство и как собирается их финансировать. Не исключено, что и в самом деле будут найдены новые пути и возможности, и это можно будет только приветствовать. Я бы очень не хотел, чтобы вышло, как всегда: красивые и оптимистичные программы, цели, идеи, в ходе реализации которых обнаруживается финансовый вакуум. Таких примеров в истории постсоветской России было великое множество. Будем надеяться, что еще раз на те же грабли правительство не наступит — сколько можно, в конце концов.

И здесь мы должны обратить свой взгляд на возможности самих субъектов Федерации. Если российское руководство планирует минимумы, то многие регионы берут амбициозные максимумы. Я отношу Брянскую область к разряду

среднячков, но мы опираемся в основном на собственные силы. Устойчивый темп роста производства начался сразу после прихода нашей команды в 1997 году и только за прошлый год составил около 13 процентов. По темпам роста физического объема промышленного производства Брянщина занимает четвертое место в Центральном Федеральном округе России.

Инвестиции в основной капитал выросли в сравнении с 2000 годом почти на 18 процентов. Поднимается село, и здесь далеко не последнюю роль играют созданные нами МТС, техника которых обрабатывает землю и собирает урожай в большинстве хозяйств области. У нас нет долгов по детским пособиям, заработной плате работникам бюджетной сферы, более того, существуют специальные региональные доплаты — работникам образования, стипендии литераторам и художникам, участникам ВОВ, членам творческих союзов, наиболее ярким театральным деятелям. Достигнутая стабильность сказывается и на поступлении налогов в бюджетную систему: с каждым годом эти поступления увеличиваются в среднем наполовину.

А. К.: А существует ли идеологическая составляющая декларируемого "прорыва"? Россия испокон века жила большой идеей. Помните — "Третий Рим", "Новый Иерусалим", гоббсовское Идеальное Государство, которое Петр возмечтал построить на топких берегах Финского залива, "светлое будущее" большевиков. Головокружительные утопии, в основе которых (несмотря на смену названий и исторических реалий) — дерзкое стремление построить Царство Божие на земле. Хилястический соблазн, не спорю, но, как видим, характерный для русской судьбы и русской души. И вот — едва ли не впервые в нашей истории — у России нет большой идеи. Не считать же за идею желание "срубить" как можно больше "бабок", "баксов", овладевшее, надо признать, значительной частью наших сограждан, во всяком случае, в Питере и Москве. Что скажете Вы — не только как губернатор — как русский писатель?

Ю. Л.: Согласен с Вами: ситуация, которая сложилась на идейном поле российской политики, сегодня вряд ли может удовлетворить кого-то, кому небезразлична судьба России. Особенно важно то, что под видом идеологии некоторые пытаются протащить крайне правый либерализм, который совершенно неадекватен российским условиям и традициям.

Мне кажется, что определенный социальный заказ на новую идеологию в неявном виде присутствует, но, очевидно, он еще до конца не оформлен. Есть три слова, которые вроде бы определяют востребованные обществом ценности. Это "безопасность", "эффективность", "стабильность". Кто-то из политологов назвал желательный результат реализации этих лозунгов "страна понятного завтра".

Если представить идеологию, которую потенциально может "заказывать" номенклатура и власть, то она по определению не может быть левой, скорее она смещается немного вправо от центра, но не слишком далеко. Результаты реформ показали, что крайне правая идеология не принимается обществом, и власть это в своем большинстве понимает.

Далее: наша культура на протяжении многих лет была коллективистской. В то же время в последние годы наблюдается изрядный прогресс в накоплении индивидуализма. Можно предполагать, что в ближайшие годы произойдут серьезные сдвиги в сторону дальнейшего распада общества. Между тем в любом обществе эти начала — коллективизм, или, можно сказать, общинное начало, и индивидуализм — должны быть уравновешены.

Оптимальным будет появление такой идеологии, которая обеспечит это равновесие.

А пока мы наблюдаем ситуацию идеологического шока. Особенно сильно она отражается на поколении, которое не знает, что делать, которое оказалось в определенном смысловом провале. Ситуация идеологического шока рождает в стране все большее социальное напряжение, и все рассуждения о стабильности на этом фоне выглядят ничем не подкрепленными.

А. К.: Брянщина — земля Федора Тютчева. Как идет подготовка к юбилею великого поэта?

Ю. Л.: Да, в 2003 году во всем мире будет широко отмечаться 200-летие великого русского поэта Федора Тютчева. Брянщина одной из первых в России решила начать подготовку к юбилею своего знаменитого земляка. По нашей инициативе образован Общественный культурный фонд имени Федора Ивановича Тютчева, средства которого будут направлены не столько на проведение

праздничных мероприятий, сколько на пропаганду великого национального наследия поэта, философа и дипломата.

В конце марта в Брянске прошла презентация этой некоммерческой организации. Основной задачей благотворительной акции стало финансирование тютевского проекта, а также поиск, раскрытие и поддержка молодых талантов в области литературы и искусства. На сегодняшний день на счет поступило уже более трех миллионов рублей.

Нам необходимо очень многое сделать, чтобы достойно подготовиться к юбилею. Мы должны внести серьезный духовный вклад в празднование двухсотлетия поэта, донести мысли Тютчева не только до всех жителей России, но и до всех славянских народов.

К 200-летию юбилею в областном центре появится памятник поэту, преобразится тютевская усадьба в Овстуге, будет обновлена экспозиция музея, в театре драмы состоится премьера спектакля о нашем выдающемся земляке, пройдет научная конференция, посвященная творчеству Тютчева. Завершается работа над научным шеститомным изданием полного собрания сочинений русского поэта. В брянской областной научной библиотеке уже сегодня создан электронный Интернет-справочник "Ф. И. Тютчев и Брянщина", где каждый может найти информацию о жизни и творчестве поэта и дипломата.

Сегодня пришло как раз то время, когда мы по-новому, по-особому должны рассматривать великое наследие Федора Ивановича. Ведь Тютчев принадлежал к числу тех русских писателей, которых, по словам Горького, объединяло "одно упорное стремление — понять, почувствовать, догадаться о будущем страны, о судьбе ее народа, об ее роли на земле". Более того, у Тютчева были не догадки, не смутные мысли — у него были пророчества.

Об этих пророчествах в 1996 году в день тютевского праздника в Овстуге, под кронами овстужских лип беседовали мы с Вадимом Валериановичем Кожиновым. Теперь я понимаю, что уже тогда он работал над своим трудом, увидевшим свет в прошлом году, — "Пророк в своем Отечестве".

И в самом деле — кто Тютчев, как не пророк? Его, наверное, можно смело сравнить с Нострадамусом. Но если предсказания Нострадамуса были тщательно зашифрованы и имеют различные толкования, то тютевские пророчества правдивы, ясны и конкретны — как все, что делал он в жизни.

В одной из статей он предсказал Крымскую войну за 10 лет до ее начала. Предсказал даже то, как она кончится — унижением для России Парижским миром.

Примерно тогда же, в январе 1848 года, он в своих письмах предсказал революцию во Франции, которую в тот момент никто из государственных деятелей не ждал.

Еще одно пророчество Тютчева — уже на закате лет писал он о властителях царской России: "Вот какие люди управляют судьбами России! Невозможно не предощутить переворота, который, как метлой, сметет всю эту ветошь..." И спустя сорок лет после его кончины — по меркам истории совсем скоро — февральская, а затем и Октябрьская революция...

Именно Тютчев в своих письмах и статьях жестко критиковал суть и предостерегал о перспективах и непомерных амбициях тогда еще молодого и многими не учитываемого государства — Соединенных Штатов Америки. Он предрекал, что эта страна будет притязать на власть над миром. И в двадцатом веке мы убедились, как верно было пророчество поэта.

Еще сто пятьдесят лет назад Тютчев объяснил нам, откуда берутся глупость и недомыслие русского образованного общества — от западного влияния. Тютчев с горечью предвидел в двадцатом веке "наступление неслыханного варварства в Европе", "долгие и жестокие испытания", "разочарования и унижения всякого рода", "движение к пропасти" в России. Великий поэт и философ ушел, оставив свои стихи — свои предначертания судьбы России и мира, свои советы нам, потомкам. И мы призваны внимать им с огромной благодарностью, каждый раз поражаясь его мудрости и прозорливости.